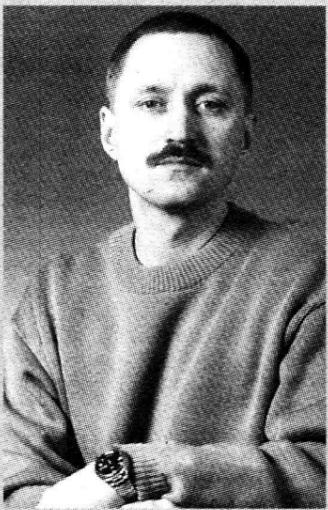

Юрий
ВАСИЛЬЕВ

Родился в г. Магнитогорске в 1964 году. Окончил МГМИ. Литературным творчеством занимается с 1981 года. Активный участник литературного клуба «НЛО» (г. Магнитогорск), лауреат конкурса имени К. Нефедьева 2002 года. Участвует в работе литературных мастерских г. Челябинска.

...В СОЦГОРОДЕ, еще до войны, он слыл неплохим баянистом. Играл на свадьбах, именинах; в праздники всегда шел в гущу демонстрантов и среди многоголосицы люди всегда узнавали его гармонию. И все вокруг него пели. Пели от души. Песни были разные: народные, патристические, веселые и грустные, официальные и блатные. Люди пели, а он им играл. Быстро бегали по кнопочкам тонкие пальцы, брала окружающая душа прекрасная мелодия. Все просто: два ремня за плечи, правая рука выводит мелодию: «Ти-ри-ри-ри...», левая — басы: «Пом-бо-пом-пом-бо-пом...». Вот вам и «Амурские волны». Самоучка, а даже некоторые профессионалы завидовали. Случалось, и сам он пел песни под голосистый баян свою любимую «Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой...»

Работал музыкант на заводе — делал железо. Хорошо работал. И жил также хорошо и весело. Да и собою был неплох: высок, черноволос, кудрявый... А еще и чудо-гармонист: в общем, парень хоть куда, а такие обычно нарывают у женского племени. Жизнь в те годы была нелегкая, но зато умная, честная, хотя, конечно, всякое бывало... Жили в бараках, пили порой помногу, на работе уставали, как черти, дрались порой улица на улице, время от времени хулиганили со злобой... Разное бывало, но все было по-другому — и люди, и чувства, и время...

Уже перед самой войной женился и наш гармонист. Девушку он взял самую красивую, работающую, умную, из приличной рабочей семьи. Еще пуще прежнего заиграла гармонь, а песни стали веселее, с гиканьем и свистом, переходящие в пляс. Радовался гармонист, веселились люди, собиравшиеся иной раз посидеть на скамейке возле его барака, собранного из дощатых щитов. Жили-то они с молодой женой в узкой комнатенке, в которой-то вперед — два шага, да назад — столько же, а там дверь и общий коридор... Небогато жили, но не унывали: оба молодые, здоровые, красивые — что еще нужно для счастья? А какие дуэты они «закатывали» теплыми летними вечерами... Тихо. Сумерки. И, кажется, только песня жива в мире. Вот она, протяжная и прекрасная, на два голоса медленно плывет в густом вечернем воздухе к Уралу... Закат. Да только туча на горизонте...

Грянула война и рухнуло счастье молодой семьи, как будто и вовсе не бывало... Да разве у них одних только... Пришла разлука на долгих четыре года...

...Вернулся он с войны, да сразу же пошел домой... То ли знал уже что,

«Амурские волны»

то ли супругу не хотел раньше времени печалить, поскольку руку-то правую война аж по самое плечо оттяпала... Идет он по улице — люди ахают. Тот вроде гармонист, да не тот... Уходил мальцом зеленым — пришел солдатом бравым. Идет, кирзачи скрипят, пилотка набекрень, пряжка медная блестит. Цигарка в зубах, плечи широкие стали, да вот только один рукав пустой, хоть и выглажен по стрелочке — без руки за пояс заткнул... Сидор за плечом. Идет солдат, здоровается со всеми, да только кто хмурится, кто взгляд отводит, словно и незнакомые...

Поймал он мальчишку на улице да домой его и послал, а сам сел на скамеечку у своего барака. Сел, новую цигарку засмолил.

Десять минут прошло, двадцать, полчаса... Вышел старшина-артиллерист из дома. Сел рядом. Тоже с лычками, видать, раненый, но при руках, при ногах. Вся грудь в орденах, рыжие усы гуще щетки, а только на ногах тапочки домашние. Его, гармониста, тапочки...

Посидели, поговорили. Хорошо, откровенно побеседовали. Удивился старшина, когда узнал, что руку не пуля, не снаряд — обзвонный прицеп на стоянке отхватил. Даже улыбнулся слегка. Сам про Сталинград рассказал, всех друзей своих павших вспомнил, следы от двух осколков показал. Потом объяснил, что, мол, так и так, любовь у них с его женой, что скоро жениться хотят, прощения попросил. Сходил, вынес вещи. Сложил их так аккуратно в сторонке, кашлянул и назад, в дом, пошел. Да только гармонист наш свою гармонию еще потребовал.

— Да зачем она тебе, ведь безрукий ты? — удивился артиллерист. — А я играть учусь, даже самоучитель есть...

— Нет, верни, — мрачно повторил музыкант.

— Да на что она тебе? Я понимаю — вещь дорогая, так я заплачу. Сколько? — Э-э, брат, долгая история... Две?

Но не отдал наш гармонист свой инструмент. Мальчишка давешний его чемоданчик подхватил да сидор взял, а сам он — гармонь через плечо, и еще кое-какие вещицы, все по мелочам, в одну руку собрал и пошел ночлег себе искать...

Прошел день, другой, третий, неделя и уж кто там, какая умная голова, уж не знаю, первая догадалась, что инвалидом он стал не в военных действиях, а по собственной глупости и халатности. Чуть ли не членовредителем называли. Тык-мык, а жить-то надо. Да и обида его на жизнь взяла. Работу ему добрые люди подыскали, такую, где одна рука-то всего и надобна: то ли кнопку нажимать, то ли штуки считать, а может, на вахте день-ночь сидеть. Да только не пошел работать он. Обижался не обижался, а все же хотел правду найти. Пропал на некоторое время куда-то, кто-то говорил, что в Москву чуть ли не к Сталину ездил, да только так и вернулся ни с чем. Один как перст, гол как сокол, куда ни кинь — везде клин. Как ни вертись, а вскоре одна последняя дорогая вещь и осталась — гармонь. Хоть и память большая, а надобно продать, иначе самого на кладбище снесут. А попрошайничать-то он, кость трудовая, не умел, да и гордость не до конца растоптанная, заняться этим не позволяла. Так он и появился в первый раз на толкучке, на самом бугре, где женщины пуховые платки и варежки продают. Народу — тьма-тьмушная. Все куда-то идут, бродят, толкаются, кричат, торгуются, тарачатся друг на друга, как раки, — куда там инвалиду с гармонью... Отошел он в уголок-затишок, никто на него и не смотрит. Все покупатели там, в гущу. Ходят друг за другом, как полоумные, кому что надо ищут, а на инвалида с гармо-

ню — ноль внимания. Тут бы и сыграть звонко, как раньше бывало, да где там... Так и ушел он в этот день с базара ни с чем, усталый и голодный...

На другой день повторилась та же история, да только мальчишка давешний за гармонистом увязался — помогать ему в торговле стал:

— А вот — гармонь! — орет что есть духу. — Кому гармонь? Чудо а не гармонь: золотые планки, а уж звук — лучше не сыщешь, хоть до Челябинска дойди.

Нет-нет, а только стали и покупатели подходить. Прицениваются, приторговываются, а всерьез никто не берется истинную цену дать. А мальчишка шустрый оказался, знай свое нахваливает: дескать, кожа хороша, дерево крепкое, а уж звук — просто чистое наслаждение...

— Хорош, говоришь?

— Берите, не пожалеете...

— А ну-ка, сыграй... Коль хорошо сыграешь, тоды возьму своему Петьке...

Виновато смотрит мальчишка.

— Да я, дяденька, не умею...

— Тю-ю, а говоришь... Му-зыкант...

Вроде и недорого за инструмент просили, да только третий день и воскресенье на базаре провели, а все без толку. Совсем живот подвело у нашего инвалида, хоть и таскал ему мальчишка хлеб из дома. И мать-то подозрительно на сына смотреть стала. Ничего не говорит, а смотрит со смыслом...

— Эх, дяденька, сыграть бы вам, как раньше...

Жмет плечами инвалид.

— А вы попробуйте... Ну, хоть чуточку...

Три раза крякнули полудохлые басы, проглотил ком в горле инвалид и скинул ремень с плеча.

— Нет, знаешь...

Долго молчал мальчишка, наконец набрался храбрости и выпалил:

— Дяденька, а вы меня научите...

— Э-э, брат, долгая история...

— Дяденька, ну хоть чуточку...

Первый урок состоялся в степи на берегу Урала, за второй плотинкой, подальше от посторонних глаз. Мелодии мальчишка схватывал на лету, расположение кнопок тоже усвоил быстро, да только басы парнишке ну никак не давались — то там соврет, то здесь забудет...

...Воскресенье удивило крепким

осенним морозцем. Пальцы мерзли, и все покупатели ходили, опустив руки в карманы. Зябко ежились торговки теплыми вещами, хотя на их труд сегодня был особенный спрос, и оттого их пришло так много. Робко выкрикивали продавцы растений и живого товара. Их опасения за качество своего товара были не напрасны. Людской водоворот, как всегда, забурлил со светом. Замелькали сотни лиц — красных, желтых, серых, синеватых, грустных, веселых, отчаявшихся и надеющихся, алчных и простецких, сосредоточенных и рассеянных, умных и глупых, как всегда. Кто-то заплакал, кто-то матерно заругался, кто-то вскрикнул, обнаружив пропажу. Водоворот забурлил. Базарный день двинулся к своему пику.

И вдруг заиграла гармонь: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...» Над бурлящей площадью повисло недавно закончившимся летом. Теплый август поплыл по воздуху и звал куда-то туда, в бархатный сезон, к южному морю, теплоту желтому песку, раскаленному полуденным солнцем...

А в гущу толпы, где непрерывная людская река делала одно из своих многочисленных ответвлений, окруженные со всех сторон зеваками играли двое — безрукий инвалид и мальчишка лет двенадцати. Распущенные до предела ремни охватывали два плеча: с одной стороны — хрупкое детское, с другой — крепкое мужское. Два человека играли на одной гармонии.

— Расстаемся, я не буду злиться...

— пел тонко мальчишка

— В этом виноваты я и ты... — подхватывал инвалид.

— Утомленное солнце...

Люди поднимали воротники, защищаясь от прохладного осеннего ветра, но не расходились. Время от времени исполнители делали передышку, чтобы подуть на пальцы да откашляться... Репертуар был скуден — несколько вальсов, да пара песен, но музыканты старались вовсю, и наконец, после «Сопок Маньчжурии» сквозь толпу протиснулся человек в заячьей шапке.

— Эй, продаете гармонь-то?

— П-продаем.

— А сколь просите?

— Т-тыщу, — выпалил мальчишка, стуча зубами.

— Ну, так я беру.

— Две, — тихо и спокойно сказал инвалид.

— Да ты чего, с ума сошел?

— Две, — повторил инвалид упрямо.

— Ну, так и играйте. Эдак-то до вечера играть будете...

— И поиграем, а ты вали отсюда...

Под смех публики «заячья шапка» исчез в толпе. Некоторые зеваки недовольно причмокивали губами — мол, уж больно много захотел инвалид... А мальчишка тем временем рос на глазах. В «Прощании славянки» завернул такую импровизацию, что ни о чем не подозревающий инвалид ошарашено посмотрел на него, еле успевавшая находить нужные аккорды. Потом буквально за считанные минуты разучили «Ой, мороз, мороз», правда, тоже в темпе вальса, а через полчаса начали уже пробовать кое-что из классики, довоенное, что когда-то на досуге подбирал инвалид...

В разгар дня нашлся покупатель и за две тыщи:

— Держи, — сказал он, подавая толстенную пачку мелких денег.

— Три, — мрачно выдохнул инвалид.

— Н-ну, ты даешь...

Толпа вокруг зашумела.

— Ну, черт с тобой, держи три, — и покупатель начал еще отсчитывать деньги.

Инвалид нахмурился, скинул здоровой рукой ремень с плеча, обнял свою гармонию и совсем тихо сказал:

— Извини, браток, не продается...

Через несколько минут они вышли с базара. Мальчишка нес гармонию, то и дело шмыгая мокрым носом, инвалид шел рядом, положив руку ему на голову. Внизу, под горой, где ветер дул уже не так сильно, они остановились. Присели на поваленный столб.

— Что же ты, дяденька, ведь три тыщи! Такие деньжищи! А?

— Да ну...

— Эх, надо было соглашаться...

— Ла-а-а, чего там. На наш век денег еще хватит. Сапоги еще есть армейские, как новенькие. Шинель еще хорошая, да и в чемоданчике кое-что. Переживем, не горюй, парня! А гармонь...

— инвалид сделал паузу, — ты себе бери. Тебе учиться надо. Слышь, музыке учишься — в ней судьба твоя. И жить в достатке будешь, и людям в радость, и дело по душе. Так своей мамке и скажи. Пусть ничего не пожалеет, ты ей так и передай, а лучше сыграй чего-нибудь. Басы уж сам как-нибудь освоишь. Ну, и меня иногда вспоминай: я тебя на путь наставлял — теперь уж сам... Старайся. Ну, прощай, музыкант. Да, гармонь-то мою береги... — с этими словами он встал, бросил недокуренную цигарку и, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь.

— Я не возьму! Меня мамка заругает! — кричал мальчишка вслед, но инвалид молча уходил все дальше и дальше, резко размахивая единственной рукой...

...Больше его в Магнитке никто не видел. Человек, у которого он снимал жилье, сказал, что постоялец ушел, куда — неизвестно, расплавившись добротными солдатскими кирзачами. На вопрос матери, возможно ли такое, чтобы инвалид дарил мальчишке столь дорогую вещь, ответил:

— А что, может быть... Пусть мальчонка играет, коли умеет. Может, у него дар есть... Глядишь, он еще знаменит будет...

...И пришлось матери отдавать сына учиться музыке — не стоять же такой дорогой вещи без дела. И парнишка учился. Дома, в школе, потом в музыкальном училище, затем в консерватории. Вся жизнь... Жизнь учителя-музыканта. Сколько детей прошло через его руки, через его душу, через его талант? Помнит ли сейчас инвалид своего ученика? Кто знает. Может, и нет его давно на свете, а вот ученик своего учителя помнит, это точно. И гармонь ту помнит, и тот свой первый концерт на базаре, и цену всему помнит...

Коллаж Ирина Журбенкова